

Пронзительные голубые глаза вспыхнули, словно яростное пламя. Мужчина, прижимавший его к месту, был настойчив, как паук, оплетающий попавшуюся в сеть добычу, и не двигался, даже когда Дэниел пытался его оттолкнуть.

С неохотой Дэниел вынужден был признать: он действительно попался.

Он не понимал причин, но Алек Уокер явно был серьёзен. Разговор о спонсорстве и угроза не позволить ему выйти отсюда целым — всё это не было шуткой. При таком раскладе неудивительно, если бы его потащили в ванную или в постель.

Но.....

«Не будь слабаком, Дэниел Линдберг».

Он не мог просто так передать управление кому угодно — кем бы тот ни был.

Даже если впереди ждал ужасный результат, гоночный болид обязан пройти трассу до финиша. «Я проиграл, я выхожу» — такие слова и снятая с педали нога были тем, чего пилот не должен делать ни при каких обстоятельствах.

Дэниел стиснул челюсти.

— Если ты понимаешь, о чём я.....

— Отпусти сначала мою руку.

—

— Я сказал: отпусти. Больно.

Их взгляды столкнулись с силой удара. Это ничем не отличалось от испытания — кто первым отпустит конец туго натянутой резинки.

Сколько это продолжалось? После долгой паузы первым разжал хватку Алек Уокер.

Они перешли в состояние временного затишья.

Освободившись, Дэниел поднялся с дивана. Он быстро привёл одежду в порядок и долго тёр запястье.

Алек Уокер лишь ослабил галстук, который до этого носил с подчёркнутой аккуратностью, и больше ничего не сказал. Так было до тех пор, пока Дэниел не потянулся к виски на столе перед ними.

— Ты меньший джентльмен, чем выглядишь. Если собирался так себя вести, зачем вообще надевал галстук?

— Что ты делаешь?

— Разве не видно?

Дэниел наклонил бутылку виски. Ему нужно было чем-то заглушить кипящую внутри ярость.

Прозрачная жидкость медленно заполнила бокал и почти достигла края, балансируя на грани.

Поверхностное натяжение едва удерживало её, но стоило слегка задеть — и всё бы пролилось. Брови Алека Уокера неприятно изогнулись.

— Это что, ты пьёшь, потому что на трезвую голову со мной не справляешься?

— Наоборот. Похоже, мой новый потенциальный спонсор куда больший ублюдок, чем я думал, так что мне стоит проверить, не из тех ли он, кто требует сексуальных услуг.

—

— Моё тело — это мой капитал. Я каждый год оцениваю свою стоимость. Так что если ты станешь моим спонсором, единственное, что ты получишь, — это результат пилота.

Дэниел залпом опрокинул бокал. Крепость, похоже, была высокой — резкий аромат ударил в нос.

Это было слишком. Он не смог выпить аккуратно: часть жидкости потекла по подбородку и капнула вниз. Дэниел вытер её, словно это были слёзы.

— Если тебе нужно больше этого — пересчитай.

Если бы он ради спонсора согласился молчать, ради выгоды спал бы с кем угодно и позволял с собой делать что угодно — он давно бы зацепился за какого-нибудь извращенца и ушёл из этой индустрии.

Такой путь был бы куда проще, в этом нет сомнений. Особенно если другой стороной был бы такой респектабельный мужчина, как Алек Уокер.

Но в итоге это означало бы продать себя дёшево.

Дэниел не собирался этого делать. По крайней мере, разве не лучше выглядеть дорогим и недоступным, чтобы потом меньше сожалеть?

Осушив бокал, он демонстративно закинул ногу на стол. Затем встретился взглядом с мужчиной, который стоял прямо, как маяк, и смотрел на него сверху вниз, безмолвно спрашивая: «Ну и что ты теперь сделаешь? Ты настолько ничтожен?»

Внезапно вокруг стало тихо. Мужчина, стоявший неподвижно, словно его ноги были прибиты к полу, смотрел на Дэниела с выражением, которое невозможно было прочесть.

В нём читались и раздражение, и растерянность, и интерес — но уже через мгновение он снова стал прежним.

То есть.

— Этого будет достаточно?

Он снова стал тем самым невыносимым спонсором.

Словно ничего не произошло, Алек Уокер аккуратно поправил галстук. Затем сел на край стола, куда Дэниел поставил ногу.

Он демонстративно налил виски в пустой бокал. Тот наполнился до краёв, едва не переливаясь через край. Мужчина достал и зажёл сигарету, пододвинув бокал к Дэниелу.

— Осуши всё до дна, не оставив ни капли. Пока я буду считать.

.....

Как и ожидалось, с этим ублюдком было непросто иметь дело.

Страхивая пепел в пустую бутылку из-под виски, Алек Уокер впервые за долгое время задал себе вопрос, граничащий с самоуничижением.

«Зачем я это сделал?»

Точнее было бы: «зачем я это делаю?», но как бы то ни было, факт оставался фактом — Дэниел Линдберг сейчас был пьян и вырубился прямо перед ним.

Банк требует времени в обмен на проценты, а ростовщик добавляет время к деньгам, чтобы взвинчивать ставки до грабительских. Время — это актив, который многие недооценивают. Стоит ли Дэниел Линдберг того, чтобы тратить на него столько времени? Стоит ли он упущенной выгоды?

Разумом он понимал, что ответ — нет.

Тем не менее сегодня Алек Уокер полностью перестроил свой вечерний график из-за одного-единственного человека. После просмотра гонки он отменил встречу, назначенную через двенадцать часов, и девять часов держал свой частный самолёт, уже подготовленный к вылету, в режиме ожидания.

Его правило — не тратить больше часа на одного человека — было нарушено.

— Я знал, что он будет раздражать.....

Трофей чемпионата, которого требует лето, внезапное спонсорство. Даже тот залог, который он так нагло потребовал.

— Я просто не думал, что всё дойдёт до такой степени.

Дэниел Линдберг, спящий на диване и тяжело дышащий, был похож на восковую фигуру, воплощающую непредсказуемость.

Сразу после победы Дэниела Алек покинул гоночную трассу, несмотря на попытки секретаря его отговорить. Он не встретился ни с руководителем команды, ни с пилотом, потому что это очевидно отняло бы слишком много времени.

И всё же весь день, пока он занимался делами, одна и та же мысль цеплялась за него, как сырость.

Может, стоило остаться на церемонию награждения.

Когда сожаление всё же возникло, поезд уже давно ушёл со станции. В итоге, не желая дальше подпитывать навязчивую мысль, он принял решение. Раз уж всё равно придётся встретиться с ним хотя бы раз, проще разобраться быстро и выбросить это из головы.

Но Дэниел, которого он встретил снова, казался совсем другим человеком.

С того момента, как он проверил сообщение и вышел из паба, его походка изменилась. Лицо,

которое до гонки казалось почти мрачным, теперь выглядело спокойным, словно с него сняли тяжёлый груз. Это было выражение, которого он никогда не ожидал увидеть. Когда он перестал смотреть на него как на врага — теперь же он даже не пытался скрыть улыбку, словно человек, нашедший холодное пиво в летнюю ночь.

Он совершенно этого не понимал. Он ведь выиграл всего один чемпионат. Разве это повод для такой радости?

— Я посмотрел результаты команды Featherway за прошлый год: ни в одной гонке они не финишировали достаточно высоко, чтобы попасть в зачёт с лидирующих позиций. И что, самоуспокоение это как-то меняет результат?

— Если для тебя чужая гонка, где человек выложился полностью, выглядит скучной, значит, есть только два варианта. Либо ты не умеешь ценить труд, вложенный в процесс, либо ты из тех, кому всё безразлично.

У него было достаточно богатства, чтобы хватило на всю жизнь. С рождения — внешность, приятная любому взгляду. Связи, настолько бездонные, что иногда казалось, будто даже закон становится смешным. Это была жизнь, в которой невозможно заскучать. Само понятие «отдавать всего себя» было вычеркнуто из его существования.

Именно поэтому он не мог понять: почему его вообще должно интересовать наблюдение за спортом, где победа и поражение решаются усилиями других? В конце концов, спорт — это чужие дела. Чем серьёзнее в это погружаешься и сопереживаешь, тем абсурднее это выглядит.

Само собой разумеется, что пилот Дэниел казался ему ещё более нелепым.

Этот человек — сплав непонимания. Нечто раздражающее, но не настолько, чтобы легко избавиться. Должно было быть именно так — и всё же...

— У меня что, калькулятор сломался?...

Он не испытывал ни малейшего желания забирать обратно часы, которые надел на запястье. Сколько бы раз он ни пересчитывал всё в голове, сделка, лишённая всякого финансового смысла, почти состоялась.

Где именно ошибка в расчётах? Как бы он ни размышлял, найти её не мог. Окурок медленно упал в пустую бутылку и выпустил густую струю дыма. Взгляд Алека двигался так же медленно.

Алек Уокер долго смотрел на спящего человека.

— Директор.

Спустя некоторое время он позволил секретарю войти.

— Скоро вылет.

— Я лечу один. Мартин, ты вылетишь завтра утром. И не забудь взять на себя ответственность за проводы мистера Дэниела.

— Понял. Что делать с контрактом на место пилота?

— Оформить продление. И подготовить в ближайшее время личное спонсорство для мистера

Дэниела.

— ...Вы имеете в виду на уровне группы, сэр?

— Есть проблема?

Секретарь быстро покачал головой. Только тогда нахмуренные брови Алека немного расслабились.

На запястье ощущалась пустота. Тяжёлые часы, снятые с руки, оставили после себя ещё более осязаемое отсутствие. Это было похоже на оболочку, на месте которой должно было что-то быть; как будто вырвали ноготь или зуб — ощущение возникло инстинктивно. Он понял: сегодняшняя сделка будет незабываемой и необратимой.

— Брось это на кровать.

— ...

— Мы же не можем оставить нашего ценного пилота команды спать всю ночь на диване.

Первый пилот, чья ценность не поддавалась лёгкому измерению, лежал с растрёпанными волосами и лицом, утратившим привычную аккуратность.

Когда его глаза были открыты, он притягивал взгляд, как пианист, исполняющий ритмичный джаз. Но когда он спал, его лицо обретало утончённую, чистую красоту, словно он играл лирическую балладу. Тщательно выточенная статуя из слоновой кости. С закрытыми глазами он выглядел настолько мягким, будто был слеплен из воска и мёда.

Глядя на это, к нему с запозданием пришло осознание. Кажется, он понял, где именно ошибся в расчётах.

— Я забыл умножить на ценность его лица.

Тихий смешок растворился и рассеялся в утреннем ветре.

Шаги Алека были лёгкими и бесшумными, будто он не хотел разбудить спящего.

<http://bllate.org/book/17841/1719121>